

У меня есть внук. Мне, так же как и его родителям, хотелось бы видеть его счастливым, здоровым, добрым, хотелось бы, чтобы он научился ценить искусство, понимать красоту, любить людей и природу. Как развить эти качества? Несколько раз мы слушали в телевизионных передачах для родителей интересные выступления Сергея Владимировича Образцова. Это были хорошие и полезные передачи. Беда только, что телевизор не «перелисташь» назад, как книгу, чтобы перечитать и поразмышлять над прочитанным.

Вот мы всем семейством, как читатели «Труда», и решили написать в нашу газету, попросить Сергея Владимировича Образцова поделиться своими мыслями о воспитании детей на ее страницах.

Н. ГАНИН,

водитель 5-го таксомоторного парка.

ЛЕНИНГРАД.

МНЕ сейчас 72 года, но, тем не менее, как и все, я когда-то был мальчишкой. Я был мальчишкой и не мечтал о своей теперешней профессии, профессии такой вообще не было. В России не было профессиональных кукольных театров.

Да и родился я в семье, которая не имела никакого отношения к искусству, к театру. Мой отец был инженером, мать — педагогом, преподавательницей русского языка. И тем не менее мне кажется, что артистом сделали меня родители. Хотя они об этом совсем не думали и эстетическим воспитанием своих детей не занимались. Тогда даже понятия этого не существовало.

Чем я занимался в детстве, что я любил? Я любил петь. Мой отец с Украины. Все украинцы поют, и мой отец тоже пел. Мать — москвичка, а москвичи тоже, в общем, поют, и она тоже пела. И у брата был слух, и у меня. Вот мы вчетвером и пели. Сами для себя, не для гостей, не на конкурс какой-нибудь, не для грамоты. Просто нам нравилось петь.

И вот, несмотря на то, что никто из моих родителей не думал, что это — эстетическое воспитание, это и была настоящая встреча с искусством. И если бы этого пения в моем детстве не было, то я бы, наверное, моей профессией сейчас не занимался.

А матери своей я до сих пор благодарен за то, что никогда мать не показывала нас с братом своим знакомым и не хвасталась: послушайте, как мои мальчишки поют. Тщеславие не пролезло в наши сердца. А тщеславие — это очень страшное заболевание во всякой профессии. Особенно в искусстве для детей. Это солома, на которой могут сгореть любой талант, любые способности.

Если мальчишка пишет какой-нибудь натюрморт, положим, в Доме пионеров, и вот у него синяя скатерть и желтый лимон, и он думает, как бы ему сделать, чтобы этот лимон зазвенел по-настоящему на этой скатерти: кадмия прибавить что ли, или изумрудной зелени дать в эту скатерть? Если он об этом думает, он может стать художником. А если он думает, как бы ему получить грамоту от райсовета, то из него вырастет подхалим. А зачем нам еще один?

Я недавно ехал в троллейбусе. Там сидела женщина, держала на коленях девочку лет трех. Девочку действительно удивительную, потому что та пела с абсолютно точной интонацией на весь троллейбус: «Я ехала домой. Двурогая луна...» Я пожалел девочку. Я хотел подойти к матери и сказать: «Как вам не стыдно? У вас драгоценность сидит на коленях. Из нее, может быть, музыкант вырастет. А вы уже торгуете ею с раннего возраста. Эдак она к пятнадцати годам вся искривляется, и бог знает, что от нее останется».

Если уж вы не можете сдерживать свое собственное тщеславие, не хвастайтесь талантами ваших детей при детях. Если они талантливы в искусстве — в живописи, в музыке или в движении, в танце, — они могут вырасти людьми, профессией которых будет искусство. Или просто будут токарями, слесарями, инженерами, но будут любить искусство. Но не пускайте в их сердца тщеславие.

Совместное пение с папой и ма-

мой, и тот факт, что пение это никогда не было предметом хвастовства, мне кажется, и повлияло на мою жизнь.

Что еще повлияло на нее?

Мы жили в Сокольниках. Сейчас это парк, окруженный забором. А тогда забора не было, и там был

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДЕТСТВЕ

С ленинградским водителем Николаем Ивановичем Ганиным и другими читателями «Труда» беседует народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Сергей Владимирович ОБРАЗЦОВ.

лес, где можно было действительно отдохнуть. Там были синицы, ползны, скворцы, белки, ежики. Соседские мальчишки гоняли голубей. У другого соседского мальчишки был аквариум. И, естественно, у нас с братом дома были и голуби, и синицы, и чижики, и щеглы, и свистелки, и дубоносы — все было. Конечно, была кошка, конечно, была собака. И все это до сих пор у меня есть. Не очень удивляйтесь, но я до сих пор гоняю голубей. Конечно, у меня есть кошка, конечно, у меня собака есть — это естественно. Конечно, у меня есть аквариум. Я не могу жить без живых. Наша с братом комната была наполнена и клетками, и аквариумами. Однажды разрушили деревянный дом, там на чердаке оказались голубята. Мы их притащили, всех изо рта выкормили.

Сейчас у меня аквариум подогревается электричеством, а тогда — керосиновой лампой. Она ночью коптит, а то и погаснет. И все эти птички не только поют или свистят. Они еще и гадят. И немало. И все это мама терпела. И за это я благодарен маме. Потому что встреча с природой и животными и есть прямой путь к эстетическому воспитанию. Эстетическое воспитание начинается не на лекции по эстетике — там оно заканчивается. Оно начинается не в картинной галерее, и не в театре, и не на симфоническом концерте — там оно развивается, расширяется, укрупняется. А начинается оно там, где начинается ассоциативная фантазия, без которой ни в какое произведение искусства проникнуть нельзя. Если человеку все равно, какой формы облако, похоже оно на бороду или на перья, или на провода, если ему это все равно — пусть он ни в Третьяковскую галерею, ни в Музей Пушкина, ни в Эрмитаж не идет. Он ничего не поймет ни у Сурикова, ни у Ренуара, ни у Рембрандта, ни у Пикассо. Он лишен ассоциативной фантазии, без которой нет входа в искусство: стоп!

Только тот человек, который умеет удивляться природе, у которого явления природы, поведение животных рождают иные представления и ощущения, может разобрат-

ся в искусстве, полюбить искусство. Если человек пять раз вынимал муху из холодного супа и ни разу не удивился и не улыбнулся по поводу того, что происходит дальше, я не могу себе представить, как это может быть. Потому что, если эту муху из холодного супа вытащить и бросить на стол, так она ползет. А за ней ползет суп, ну, стекает с этой мухи. Все тоньше, тоньше, тоньше и, наконец, этот суп кончается. Тогда муха останавливается и делает то же, что сделал бы каждый из нас. Она приводит себя в порядок, оправляется фалды, чистится, утирается. Наконец, встряхивается и летит. Если человек этому не улыбнулся, если ему не показалось, что муха его

сколько бы ни было человеку лет, он должен иметь учителя. Раз бог нет, уж что-то надо придумывать. На собственную совесть ведь надежды никакой. Уж кто врет, так это собственная совесть. Помните, как Нехлюдов в «Воскресении» у Толстого оправдывал свой дурной поступок. Он говорил: «Все так, не я один». Вот что делает собственная совесть. А если в чью-то совесть веришь, если по-настоящему знаешь, что она большая, тогда можно самого себя спросить: «А что сказал бы мне этот человек, если бы я рассказал ему, что я сделал?» Я до сих пор мысленно советуясь с моим отцом, хотя его давно нет в живых. Потому что для меня он, его оценки — эталон правды и эталон совести.

В заключение хочу сказать еще об одной важной вещи. Встреча с искусством — встреча серьезная. Если она произошла и если искусство вошло в сердце человеческое (все равно детское или взрослое сердце), то оно что-то в этом сердце произвело. И все не всегда хорошее. Искусство может сделать и дурное дело. Может существовать очень хорошее произведение искусства, но оно адресовано не маленьким детям, а взрослым. И для маленького ребенка может оказаться вредным. Причем чем талантливее, тем вреднее.

Например, я считаю, что маленьким детям нельзя показывать ничего страшного. С этим бывают не согласны мамы, но я убежден, что «Красную Шапочку», например, показывать детям не стоит. Нормальный ребенок не может смотреть, как волк ест бабушку. Даже взрослый, когда он смотрит «Отелло», может заплакать (ну, во всяком случае, слеза у него может появиться) из-за того, что Отелло задушил Дездемону. Хотя он знает, что актриса осталась жива. А мальчик уверен, что волк настоящий, раз он шевелится — значит, он настоящий. И волк съел бабушку. А у ребенка у самого минимум две бабушки, и он их любит, как всякий внук, и не может видеть, как едят бабушку, а потом еще и внучку, которая принесла этой бабушке пирожки.

Однажды к нам на спектакль «Кот в сапогах» какая-то мама притащила девочку. Девочке было года три-четыре. А там у нас есть дракон, и не такой уж он страшный. Он просто дурачок, из него дым идет. А девочка как увидела этого дракона, как заорет на весь зал: «Мама, выключи!». А мама не может выключить, ведь это же спектакль, а не телевизор. Мама схватила свою дочку, через весь зал тащила ее, та кричала. Ну что будет?

Мамы знают, что будет. Будет эта девочка просить вечером: «Мама, посиди со мной, мне страшно». И принесет этот спектакль вред. Нужно очень осторожно обращаться с искусством, когда вы адресуете это искусство детям.

Читая ваше письмо о воспитании детей, я вспоминаю свое детство. И думаю о своих родителях, о матери и об отце, об отцовских сказках. Я думаю о том счастливом периоде, когда у нас с братом было столько голубей, столько радостей от птиц, от Сокольников, от всех наших друзей. Я думаю о книжках, о Сэттоне Томпсоне, о Марке Твене, которых я любил и которые меня воспитывали.

Человека все воспитывает, все, что его окружает. И поэтому ко всему родителю должны относиться с особой бдительностью и серьезностью, чтобы все, окружающее ребенка, было веселым, интересным и добрым.